

КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ЗАБЫЛ МОЁ ИМЯ

НИКИТА КИЧКИН

18+

Никита Кичкин

Король, который забыл моё имя

«Автор»

2026

Кичкин Н.

Король, который забыл моё имя / Н. Кичкин — «Автор», 2026

Лея умеет разрывать магические клятвы. Когда она освобождает невесту от опасного договора, выясняется, что защита целого города держится на украденных воспоминаниях. Чтобы спасти людей, запертых за зеркалами, Лее придётся работать с королём Кайреном. Каждая попытка исправить старую ошибку стоит ему части памяти — и однажды он забывает её. До затмения остаются считанные дни. Хранитель печатей предлагает Лее вернуть мать, если она отдаст ему право решать за других. Но Лея больше не верит сделкам, в которых скрыта настоящая цена.

© Кичкин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая подпись	5
Глава 2. Цена памяти	7
Глава 3. Та, кого стёрли	9
Глава 4. Запах горелой бумаги	11
Глава 5. Дом за зеркалом	13
Глава 6. Имя чудовища	15
Глава 7. Ночь без обещаний	17
Глава 8. Наследство	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Никита Кичкин

Король, который забыл моё имя

Глава 1. Чужая подпись

За три минуты до свадьбы невеста попросила меня убить её жениха.

Она произнесла это спокойно, будто просила принести гребень. На её белом платье у талии дрожала маленькая серебряная булавка. Только руки выдавали страх: она прятала их в широких рукавах и всё равно не могла унять дрожь.

— Убийства не входят в мой договор, — сказала я.

— Тогда разорвите его. — Невеста протянула мне запястье. Под кружевом тянулась строка чёрных букв. — Он говорит, что это клятва верности. А я каждую ночь забываю лицо матери.

Внизу играли музыканты. Гости графа пили медовое вино и ждали красивого обряда. На улице дождь стучал по витражам дома, который стоил дороже всего моего квартала. Три месяца назад я поклялась не возвращаться к ремеслу. Вчера мне предложили за один вечер столько денег, что хватило бы выкупить лавку у кредиторов. О клятве пришлось забыть.

Я отогнула кружево. Буквы шевельнулись под кожей.

— Кто читал вам текст до подписи?

— Его поверенный. Я пыталась слушать, но...

— Вы помните хотя бы одно слово?

Она закрыла глаза. Плечи под тонкой тканью осели.

— Нет.

Так работали старые договоры: не лгали о цене, а забирали память о том, как её назвали. За последний год я находила такие всё чаще. Я извлекла из сумки стеклянную иглу. В моих руках она выглядела обычной, пока не касалась чернил. Затем по ней пробежал свет, тонкий, как зимний лёд.

— Мне нужно ваше согласие, — сказала я. — Настоящее. На разрыв. Я не знаю, сколько договоров спрятано под верхним.

— Да. Разрывайте.

— Назовите своё имя и возраст.

— Эстер Лоран. Двадцать шесть.

Я положила ладонь ей на руку. Под верхней строчкой открылась вторая: «Её воспоминания о доме переходят хранителю до погашения долга». Под ней была третья, почти невидимая. Я поднесла свечу ближе и прочла вслух:

— «В ночь седьмого затмения её право отказаться считается переданным...»

Чернила рванулись ко мне.

Я успела толкнуть Эстер к двери. Стеклянная игла треснула, окно за моей спиной покрылось чёрной паутиной. По комнате прошёл холод, знакомый мне по детству: так пахли королевские печати, когда кто-то пытался снять их силой.

— Бегите по лестнице, — сказала я. — Не к жениху. На улицу, к часовне. Скажите сторожу, что вас послала Лея Вейн.

— А вы?

Я вложила сломанную иглу между буквами. Боль прошла пальцы до плеча.

— Мне заплатили аванс.

Чёрная строка разошлась, как шов на старой ткани. Эстер вскрикнула и вдруг начала плакать — громко, по-настоящему. Она вспомнила мать. За дверью затопали шаги. Я увидела

в зеркале, как вся левая сторона моего лица исчезает из отражения: договор забрал не воспоминание, а чужой взгляд. На несколько минут меня перестанут узнавать. Цена была терпимой.

Дверь распахнул жених. Красивый, сухой, в серебряном жилете. Позади стояли двое вооружённых людей.

— Где моя невеста?

— Она ушла, — ответила я.

Граф посмотрел прямо на меня и не узнал. Потом увидел лопнувшую строку на полу — чёрные чернила вытекли из её кожи и собрались в знак короны.

— Ты не понимаешь, что сделала, — произнёс он.

Знак на полу загорелся. Весь дом вздрогнул. Сквозь стекло я увидела, как на башне городской стены гаснет одно из семи синих окон. А за ним, в дождливом небе, появилась тонкая вертикальная щель.

Здесь небо никогда не рвалось само.

— Вообще-то, — сказала я, — начинаю понимать.

Я выбила свечу из подсвечника. Пламя метнулось к дорожному ковру. Жених отскочил, стражники бросились тушить пожар, а я прыгнула на подоконник. Высота была два этажа. Внизу стояла карета с открытым верхом; между мной и ней — дождь и большая вероятность переломать ноги.

Я прыгнула.

Приземление вышло гораздо мягче, чем заслуживала моя глупость. Чья-то рука перехватила меня за талию ещё в воздухе и поставила на мокрую мостовую. Я обернулась, собираясь выругаться, и увидела мужчину в тёмном дорожном плаще. Вода стекала с его волос, на воротнике поблёскивал маленький знак ночной стражи.

— Лея Вейн, — сказал он. — Вы едете со мной.

— Я сегодня уже отказывала одному мужчине.

Он посмотрел на башню. Синее окно окончательно погасло.

— Этот мужчина не предлагал вам спасти город.

Глава 2. Цена памяти

В королевском дворце пахло мокрым камнем, горячим железом и бессонницей. Последнее я узнала по лицам стражников. Они водили глазами по коридорам, будто в любой тени кто-то шевелился.

Меня привели в зал, где вместо картин висели семь чёрных зеркал. Шесть отражали свечи. Седьмое было тусклым и пустым. Мужчина, вытащивший меня из-под окон графа, снял плащ и остался у двери. При свете стало видно белый шрам от виска до скулы. Красоты он не портил; просто делал лицо строже.

— Кто вы? — спросила я.

— Капитан Арден Ройс.

— Обычные капитаны не ловят людей после прыжка со второго этажа.

— Обычные резчики не гасят городские печати.

Я решила не спорить. Это могло подождать до утра, если утро вообще наступит.

Дальняя дверь открылась без звука. Вошёл король.

Я знала его лицо по монетам и городским объявлениям, но живой Кайрен выглядел старше своей тридцатичетырёхлетней чеканки. Высокий, в чёрной рубашке без знаков власти, с усталым взглядом человека, который слишком долго слушал плохие новости. На правой руке у него была перчатка. Левую он держал раскрытой, как если бы боялся случайно сжать кулак.

— Лея Вейн, — произнёс он. — Дочь Марты Вейн.

Упоминание матери ударило вернее угрозы.

— Если вы позвали меня говорить о ней, начните с правды.

Король подошёл к погасшему зеркалу.

— Вы разорвали договор Эстер Лоран. Этот договор удерживал часть седьмой печати.

— Девушка теряла память каждую ночь. На её коже были спрятаны три условия. Ваши люди называют это защитой?

— Нет. Поэтому вы здесь.

Его ответ был слишком быстрым для человека, который собирался меня обвинить. Кайрен снял перчатку. По ладони тянулись серебряные буквы, почти стёртые на линии жизни.

— Семь зеркал удерживают Тьму за городскими стенами, — сказал он. — Каждое питается клятвами. Когда отец заключал их, люди знали цену. За последние два года кто-то вплёл в печати новые договоры. Я пытался их найти. После каждого вмешательства забывал что-нибудь своё.

— Что именно?

— Последним было имя моей сестры.

В зале стало тихо. Я слышала, как дождь скребёт по крыше.

— Она жива?

— Да. Каждое утро меня знакомят с ней заново.

Я посмотрела на зеркала. Мать говорила, что любая клятва — дверь в обе стороны. Если одна сторона перестала знать, что именно она отдала, дверь открывается не туда.

— Кто составлял договоры?

— Главный хранитель печатей. Лорд Севран.

— И вы всё ещё позволяете ему ходить по дворцу?

Кайрен улыбнулся без радости.

— Он исчез вчера. За три дня до седьмого затмения.

Я невольно посмотрела на окно. Три дня. Мне понадобилось семь лет, чтобы научиться разрывать один сложный договор, не умерев на месте. А здесь требовалось разобраться с системой, которую строили веками.

— Найдите другого мастера.

— Других нет.

— Это не делает меня бессмертной.

— Нет. — Король выдержал мой взгляд. — Я предлагаю вам доступ к архиву, защиту для Эстер и вашей лавки, а также право уйти, если найдёте способ, который сочтёте неприемлемым. Это будет записано без скрытых условий. Я не собираюсь брать у вас согласие обманом.

Капитан у двери, до того похожий на неподвижную статую, едва заметно поднял голову. Похоже, королевская честность удивила и его.

— Почему моя мать? — спросила я. — Откуда вы знаете её имя?

Кайрен отвёл взгляд к зеркалу.

— Потому что пятнадцать лет назад она была последним человеком, который сумел открыть первую печать и остаться собой.

Мама погибла, когда мне было четырнадцать. Мне сказали, что при пожаре в мастерской. Я хранила её стеклянные иглы и никогда не верила в этот пожар целиком.

— Покажите договор, — сказала я.

Король взял чистый лист. Не приказал писцу, не призвал нотариуса — написал сам. Два коротких абзаца. Я провела над чернилами пальцами. Никаких вторых строк, никакой жадной дрожи под бумагой. Только обещание трёх дней работы и моей свободы отказаться.

— Вы забыли оплату, — заметила я.

— Назовите её.

— Правду о матери. Всю, что у вас осталась.

Он дописал строку и протянул мне перо. Я долго смотрела на место для подписи. Потом подписала.

В тот же миг в погасшем зеркале появилось лицо незнакомой женщины. Она прижала ладонь к стеклу изнутри. Я отшатнулась.

— Кто это?

Кайрен побледнел.

— Моя сестра, — ответил он. — И она сейчас должна быть в северной башне.

Глава 3. Та, кого стёрли

Женщина за стеклом открыла рот, но звук до нас не дошёл. Она была примерно моего возраста, в сером платье, с кровью на виске. Позади неё тянулся коридор, которого в зеркале быть не могло: бесконечный, освещённый фонарями из белого огня.

Кайрен коснулся поверхности. Серебряные буквы на его ладони ожили, и он отдернул руку так резко, что я поняла: зеркала берут память даже за прикосновение.

— Не надо, — сказала я. — Сначала назовите её имя.

Он молчал.

Арден шагнул ближе.

— Принцесса Мирабель. Ей тридцать один. Вчера она отправилась в северную башню с двумя охранниками.

— А утром? — спросила я.

— Утром охранники клялись, что башня пуста.

Я поднесла к зеркалу сломанную иглу. Свет побежал по трещине и высветил едва различимую строку на раме: «Забытый всеми получает дорогу внутрь». Та же вязь, что на запястье невесты. Севран не просто кормил зеркала чужими воспоминаниями. Он собирал людей, которых переставали помнить.

Я рассказала об этом Кайрену. На его лице впервые появилась настоящая ярость.

— Арден. Закрой дворец. Никого не выпускать до моего приказа.

— Если закроете дворец, — сказала я, — Севран поймёт, что мы увидели Мирабель. Дайте ему верить, что его договор работает.

Арден посмотрел на меня с недоверием.

— Мы не знаем, где он.

— Зато он знает, где найдёт нас. У жертвы из зеркала.

Кайрен решил за мгновение.

— Отправьте патрули как обычно. Архив откройте для Леи. И приведите Нэру.

Когда он ушёл, я осталась перед стеклом. Мирабель всё ещё стояла по ту сторону. Она подняла ладонь и приложила к раме три пальца. Потом два. Потом один. Счёт до затмения. Я кивнула. Она закрыла глаза, будто этого ей хватило.

Архив находился под дворцом. На ступенях мне встретила женщина с медными волосами, собранными в узел, и саквояжем лекаря. На её куртке было вышито солнце. Она смотрела на меня так, словно выбирала, какую кость придется вправлять первой.

— Нэра Соль. Целительница. Ваши пальцы покажите.

— Разрешите сначала поздороваться?

— Поздоровались. Пальцы.

Я протянула руку. Она провела подушечками пальцев по ожогу от иглы и негромко выругалась. Хороший врач. Плохие сначала успокаивают.

— Как давно вы режете печати после смерти матери?

— Шесть лет.

— И всё ещё касаетесь их голой кожей? Она вас этому учила?

Я выдернула руку.

— Я не просила биографию.

Нэра вздохнула, смягчилась и достала мазь в маленькой жестяной банке.

— Простите. Марту я знала. Она лечила меня, когда мне было восемь. Хотела сказать: она была осторожнее, чем о ней рассказывали.

Это оказалось больнее, чем её грубость. Незнакомка знала мою мать взрослой, работавшей здесь, пока я ждала дома и думала, что она продаёт стекло ювелирам.

— Тогда расскажите потом, — сказала я.

Нэра перевязала руку и ушла. У двери она чуть не столкнулась с Арденом, который принёс мне фонарь. Капитан обычно держался так, будто между ним и остальным миром вычерчена линия. При виде Нэры линия исчезла. Он придержал дверь, она задержала на нём взгляд на полсекунды дольше необходимого. Значит, у дворца есть тайны проще печатей.

Архив пах пылью и розмарином. В шкафах лежали тысячи договоров: о браках, долгах, военной службе, земельных правах. Десятки страниц были за последние два года переписаны одной рукой. Я узнала почерк по острым петлям букв на договоре Эстер.

— Вы знали, что хранитель использует чужие обеты? — спросила я Ардена.

— Я знал, что городские стены слабеют. Не знал цену.

— Король знал?

— Он подозревал. Севран утверждал, что берёт только добровольные пожертвования памяти.

— А люди добровольно подписывали бумагу, которой не могли прочесть.

Арден не стал защищать дворец. Это мне понравилось.

Внизу первой полки я нашла карточку с именем матери. Дата смерти была верной. Причина — нет: «Добровольный переход за стекло для сохранения первой печати». Внизу стояла её подпись. Я знала каждый изгиб маминого «М». Она действительно расписалась.

С обратной стороны была приписка чужой рукой: «Дочь следует оставить вне перечня».

Я сидела на полу архива и долго смотрела на слово «дочь». За стеной ударил колокол. Наверху, в зеркальном зале, кто-то закричал моим именем.

Глава 4. Запах горелой бумаги

Мы прибежали, когда в зале уже дымилось шестое зеркало. По полу ползли полосы чёрного стекла, как ледяные трещины. Кайрен стоял между ними и Нэрой, прикрывая её собой. Она держала охранника, у которого глаза побелели от забывания. Мирабель за седьмым зеркалом исчезла.

— Кто открывал зал? — спросил Арден.

— Никто, — ответил король. — Бумага загорелась в архиве, и зеркала ответили.

Я вспомнила карточку матери в своей руке. На её краю тлела маленькая синяя искра. Я бросила лист на камень и растоптала.

— Это приманка. Севран следит за тем, какие записи мы читаем.

— Он мог убить вас, — сказал Кайрен.

— Если бы хотел, в карточке было бы больше огня. Ему нужно, чтобы я нашла дорогу к первой печати.

Взгляд короля задержался на слове «первой». Я подняла карточку и показала ему. Он прочёл один раз, потом ещё. Кожа на его лице стала серой.

— Вы обещали правду, — сказала я.

Он приказал всем, кроме Ардена, выйти. Нэра ушла последней; возле капитана она задержалась и тихо попросила не делать глупостей. Тот с раздражением ответил, что поздно обещать подобное. Их короткая ссора звучала слишком привычно для первого знакомства.

Кайрен повернулся ко мне.

— Пятнадцать лет назад первая печать начала умирать. Если бы она лопнула, город не дожил бы до утра. Ваша мать предложила войти внутрь и найти разрыв изнутри. Я был тогда наследником. Отец считал её безумной.

— А вы?

— Я поверил. И подписал разрешение.

— Она знала, что не вернётся?

— Мы оба надеялись, что вернётся.

— Значит, нет.

Он не отвёл глаз. Это было почти жестоко.

— Она вышла через три дня. Прожила ещё месяц. За это время первая печать держалась крепче, чем прежде, а Марта забыла всё, что было до входа. Вас она узнала только по голосу.

У меня пересохло во рту. Я помнила тот месяц: мама сидела у окна, глядела на мои руки и называла меня «маленькая». Я думала, это ласковое слово. Она не помнила имени.

— Почему мне сказали про пожар?

— Она попросила. Не хотела, чтобы вы начали искать дверь, которая её сломала.

— А вы послушались и пятнадцать лет молчали.

— Да.

За одно «да» я чуть не ударила его. Ложь дала бы мне повод отвернуться. Правда оставляла только злость и печаль, которые некуда было деть.

Я вышла в коридор. Он пошёл следом, но не приблизился. Слышались шаги дежурных, звон посуды из кухни, жизнь дворца, в которой мою мать давно заменили записью в архиве.

— Мне нужно увидеть первую печать, — сказала я.

— После того, что я рассказал, вы можете уйти.

— Я могу. Но Севран рассчитывает, что я останусь. Хочу узнать почему.

Мы спустились в подземелье через лестницу, которой не было ни на одной карте. По стенам стекала вода, но пол оставался сухим. Внизу стояла дверь из тёмного стекла. На ней не было замка. Только выжженная строка: «Назови того, ради кого готов забыть себя».

Кайрен остановился. Я поняла, что он уже отвечал на этот вопрос раньше. И каждый ответ у него забрали.

— Не говорите моё имя, — попросила я, сама удивившись.

— Пока я его помню, не скажу.

Он произнёс это почти шёпотом. Между нами возникло что-то опаснее доверия: чувство, которому рано было давать имя. Я приложила к двери стеклянную иглу матери. Изнутри отозвался женский голос:

— Лея, уходи.

Глава 5. Дом за зеркалом

Пятнадцать лет я думала, что больше никогда не услышу этот голос. В нём была прежняя хрипотца, с которой мама звала меня ужинать, и чужой металлический отзвук. Я прижала ладонь к двери. Холод прошёл сквозь перевязку.

— Мама?

— Здесь нельзя говорить долго. Севран слышит имена.

Кайрен потянул меня назад. Я не двинулась.

— Ты жива?

— От меня осталось то, что печать смогла удержать. Послушай: все семь зеркал — части одного договора. Пока король отдаёт воспоминания, город живёт. Но в договоре была другая цена. Её вычеркнули.

— Кто?

— Тот, кто пишет поверх чужого согласия.

Дверь затрещала. Я услышала в глубине шаги. Не мамины: тяжёлые, размеренные, будто кто-то шёл по воде.

— Где найти исходный текст? — спросила я.

— В месте, где никто не клянётся. И помни...

Стекло почернело. Последнее слово растворилось прежде, чем я разобрала его. Я ударила кулаком в дверь и тут же пожалела: боль вернула меня в тело, но не дала ответа.

Кайрен помог подняться. Его ладонь легла на мою спину; я могла оттолкнуть её, но не стала. Арден, ждавший у лестницы, отвёл глаза с редкой для него деликатностью.

— Где в городе никто не клянётся? — спросила я.

— На площади Судов это запрещено, — ответил капитан. — Там слишком много старых договоров.

— Значит, туда.

Мы вышли из дворца в простой одежде. Король спрятал волосы под капюшоном, Арден взял двух людей и велел им держаться на расстоянии. Я настояла, чтобы Нэра осталась с охранником, которого затронуло зеркало. Она смерила меня взглядом, поняла, что спорить бесполезно, и сунула мне мазь для руки.

Площадь Судов была похожа на все старые площади: мокрые булыжники, лавки с пирогами, нищие у колоннады. Только в центре стояло обелиск из белого камня, исписанный именами тех, кто отказался подписывать королевские клятвы. На самой вершине я увидела имя матери.

— Она отказалась? — спросила я.

Кайрен посмотрел вверх.

— От первого проекта. Отец хотел, чтобы все жители присягнули зеркалам навечно. Марта заставила его изменить условия.

Я коснулась камня. Под именем шёл узкий шов, слишком ровный для простой кладки. Игла вошла в него почти без усилия. Открылся маленький тайник. Внутри лежала жестяная коробка, вся в ржавчине, и письмо, свёрнутое так мелко, что его едва можно было развернуть.

Почерк был мамин.

«Лея, если ты читаешь это, значит, кто-то снова предпочёл память городу. Ни один живой человек не должен быть топливом для печати. Мы нашли другой путь. Я не успела его доказать. Ищи имя того, кто добровольно остался за стеклом до первого короля. Его называют чудовищем, чтобы никто не спросил, чего он хотел».

Ни подписи, ни прощания. На обороте одно слово: «Орт».

Под нами задрожала площадь. Водостоки почернели. Люди начали оборачиваться, не понимая, почему тени от колонн потянулись против света. Арден крикнул страже отвести толпу. Из одного стока поднялась рука из чёрного стекла и схватила мальчика за лодыжку.

Я бросилась к нему. Кайрен оказался быстрее. Он разжал стеклянные пальцы голой рукой; буквы на его коже вспыхнули. Мальчик вырвался и побежал к матери. Король же застыл, всматриваясь в меня.

— Ты ранена? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо. — Он нахмурился. — Простите. Мы знакомы?

Мир качнулся. Только что он держал мою руку у двери. Теперь смотрел, как на прохожую. Арден подбежал к нам, увидел короля и всё понял.

— Лея Вейн, — быстро сказал он. — Резчик печатей. Вы наняли её сегодня ночью.

Кайрен повторил моё имя. Оно ничего в нём не загло. Площадь трескалась, мальчик плакал у матери, а мне хотелось попросить короля снова сказать «пока я его помню». Но времени не было.

— Потом, — сказала я. — Сначала уберём это.

Глава 6. Имя чудовища

Стеклянная рука потянулась за вторым ребёнком. Я вонзила иглу в шов между камнями и услышала, как под площадью разворачивается договор. Каждая трещина была фразой. Каждая фраза вела к зеркалам. Кто-то пытался вернуть в город всё, что они удерживали столетиями.

— Король, — сказала я, — не касайтесь больше стекла. Найдите того, кто ведёт людей к мосту.

Он кивнул и ушёл к толпе. Профессионально, без доверия, которое исчезло из его памяти. В этом была особая жестокость магии: она не стирала способность быть хорошим человеком. Только человека, ради которого ты уже сделал выбор.

Я вырезала в трещине слово «стоп». Обычная печать подчинилась бы. Здесь буквы разошлись и сложились в имя: Орт. Из-под земли поднялся голос, низкий, как движение камня.

— Ты тоже пришла за моей памятью?

— Я пришла за живыми, — ответила я.

— Тогда ищи того, кто продаёт их имена.

Площадь затихла. Стеклянная рука рассыпалась на мелкие безопасные осколки. Люди продолжали бежать; видимо, решили не ждать объяснений. Я опустила на колени и с трудом вынула иглу. Её кончик стал серебряным. Как будто кто-то изнутри починил сломанную вещь.

Кайрен вернулся с Арденом. Капитан помог мне встать, а король задержал взгляд на моей руке. Он всё ещё не помнил меня. Я могла сказать это по вежливому расстоянию в его голосе.

— Что произошло?

— Орт попытался поговорить, — сказала я. — Он не нападал на детей. Стекло вытягивалось к ним, потому что кто-то использовал их имена как приманку.

— Севран?

— Не знаю. Но он нашёл способ говорить через исходный договор.

На обратном пути мы ехали молча. В карете Арден делал вид, что смотрит в окно. Король изучал письмо матери, как судья изучает показания. Я ловила в нём прежние жесты: он по-прежнему придерживал бумагу двумя пальцами, по-прежнему хмурился на двусмысленностях. От этого чужое «вы» ранило сильнее.

Во дворце Нэра сразу заметила перемену. Она отвела меня к раковине и помогла смыть с пальцев чернильную пыль.

— Он забыл?

— Часть дня. Меня целиком.

— Это бывает.

— Ты говоришь так, словно предлагаешь привыкнуть.

Нэра закрыла воду.

— Я говорю так, потому что каждый раз вижу, как он возвращается и спрашивает, кого ранил своей пустотой. Не советую привыкать. Просто знай: для него это тоже потеря, хотя он не умеет её назвать.

У порога стоял Арден. Он слышал последние слова и по лицу Нэры я поняла, что они давно ведут один и тот же спор — о близости к тем, кого работа однажды отнимет.

— У нас есть имя, — сказал он. — Я поднял старые хроники. Орт был первым человеком, добровольно вошедшим в зеркало. До королей. Его называли Хранителем Пустоты.

— А что он охранял?

— В хрониках пропущена страница.

Я вспомнила мамино письмо. Чудовище, которым удобно пугать тех, кто задаёт вопросы. Вечером я попросила у библиотекаря все книги о первом короле. В одной из них между двумя

листами застряла тонкая полоска чёрной кожи. На ней было написано: «Память нельзя украсть, если человек не назвал цену вслух». Писал не Севран. Почерк был старше дворца.

Поздно ночью ко мне постучали. На пороге стоял Кайрен с двумя чашками чая. Он выглядел неловким, почти молодым.

— Мне сказали, что мы уже говорили, — произнёс он. — Я хочу узнать, что именно забыл. Если вы позволите.

Я могла перечислить факты. Вместо этого взяла одну чашку и ответила:

— Начните с того, почему пришли сами.

Он подумал.

— Потому что сегодня на площади вы приказали мне не касаться стекла. Я подчинился, хотя не помню, чтобы доверял вам. Мне захотелось узнать причину.

Я отступила, впуская его. На столе лежало мамино письмо. За окном все семь башен светили снова, но седьмая тускло, словно кто-то прикрыл её ладонью.

— Тогда садитесь, — сказала я. — История займёт больше одной чашки.

Глава 7. Ночь без обещаний

Я рассказывала, а Кайрен слушал, не перебивая. Иногда он задавал короткие вопросы, проверяя порядок событий. Дважды попросил повторить то, что говорил сам. Его интересовала не собственная правота, а границы провала: что можно восстановить по чужим словам, а что останется утрачено навсегда.

— Вы не обязаны мне верить, — сказала я, когда чай остыл.

— Верю письму вашей матери. И капитану. Вам пока тоже.

— Осторожный ответ.

— Я король. Оставаться живым помогают осторожные ответы.

Мы оба улыбнулись. Улыбка вышла неожиданной и потому ценной. Кайрен взял письмо, но не прикоснулся к нему голой ладонью. Перчатка лежала рядом. Видимо, он вспомнил о ней только теперь.

— Там, на площади, я снова что-то отдал. Вопрос — кому. Севран утверждал, что зеркала берут память сами. Но ваша мать написала о другом способе. Если он существовал, значит, нас обманывали ещё до Севрана.

— Или не обманывали. Возможно, способ не сработал.

— Завтра пойдём к тому, кто мог его помнить.

— Орт?

Кайрен кивнул. Я напонила, что встреча с существом за стеклом едва не стоила ему имени сестры. Он посмотрел на меня спокойно.

— Тогда вы остановите меня, если я потянусь к зеркалу.

Слова были простыми. Доверие в них — нет. Мы сидели близко: колени почти соприкасались, на столе между нами лежала бумага матери. Мне захотелось протянуть руку и коснуться его щеки, проверить, узнает ли тело то, чего не знает память. Я не сделала этого. Слишком легко принять чужую растерянность за приглашение.

— Завтра, — сказала я. — А сейчас вам надо спать.

Он поднялся. У двери обернулся.

— Когда вы рассказали про мою сестру, я почувствовал страх. Когда про мать — вину. А когда сказали, что я забыл вас, у меня было ощущение, что я потерял больше, чем несколько часов. Простите, что не могу назвать это точнее.

Он ушёл прежде, чем я придумала ответ.

Утром Нэра принесла завтрак и новости: граф, чей договор я разорвала, найден без памяти в собственном доме. Эстер жива, спряталась у сторожа часовни. Севран оставил во дворце знак старого суда — приглашение к разговору. И ещё одно: кто-то из писцов вынес из архива перечень детей, рождённых в ночь последнего затмения.

— Зачем ему дети? — спросила я.

Нэра поставила поднос.

— Их имена могли стать частью новых договоров. Им от восемнадцати до девятнадцати сейчас. Все совершеннолетние. Некоторые подписывали бумаги о службе, не зная, что их записали в печать.

— Тогда Орт тянулся к мальчику на площади по другой причине.

— Какому мальчику?

— Лет десяти. — Я вспомнила его лицо. — Значит, в перечне был не он.

Нэра замерла.

— Лея, перечень начался до прошлого затмения. Первые записи намного старше. Там может быть любой, кому сегодня меньше двадцати.

Я отложила ложку. Мы потратили ночь на чай и воспоминания, пока в городе ходили дети с именами, уже обещанными стеклу.

На столе Кайрена нас ждал план: посетить площадь, проверить перечень, найти исходный договор. Арден стоял рядом, склонившись над картой. Я заметила, как Нэра отдала ему маленький пакет с сухими травами; капитан спрятал его в карман, не спросив, что внутри. Они обменялись взглядом. Между ними было больше общих утр, чем они хотели показать.

— Если это оберег, — сказала я, — мне тоже нужен.

Нэра покраснела. Арден кашлянул.

— Это лекарство от головной боли, — ответил он.

— От вашей или от её?

Кайрен едва заметно улыбнулся. Напряжение за столом ослабло. Но когда Арден развернул список имён, шутить перестали все.

Внизу, среди сотен записей, была строка: «Лея Вейн. Получатель права первой печати». Подпись под ней принадлежала моей матери.

Глава 8. Наследство

Я перечитала строку пять раз. Буквы оставались на месте. Мама могла подписать что угодно ради города. Но оставить мне «право» на печать, которая убила её, казалось невозможным.

— Право не означает обязанность, — сказал Кайрен.

— Вы не знаете, какой там текст.

— Поэтому мы его ищем.

Я хотела услышать, что мама не могла так поступить. Вместо этого король дал мне единственную честную опору: незнание. Я взяла список и поднесла к свету. На обороте чернила были плотнее возле моего имени. Под ними скрывалась другая строка. Срезать бумагу на месте значило привести Севрана к нам, как вчера. Я свернула лист и убрала в кожаную папку без магии.

На площади нас встретил старый смотритель обелиска. Он подметал лужи с камня, хотя дождь не прекращался.

— Вчера вы открыли тайник, — сказал он. — Долго ждал.

— Почему не отдали письмо сами?

— Марта велела передать только тому, кто найдёт. Доверяла упрямству крови. — Он ткнул щёткой в сторону узкого переулочка. — Хотите говорить с первым узником? Идите в заброшенный храм. Там не произносят клятв с тех пор, как он отказался от первой.

Кайрен шагнул к нему.

— Вы знали мою мать?

— Знал вашего отца. Этого довольно, чтобы не путать вас с ним.

На том разговор закончился. Смотритель вернулся к своему бессмысленному подметанию, а мы свернули в переулок. В заброшенном храме не было алтаря. Только сухой круглый бассейн в полу и следы ладоней на стенах. На каждом отпечатке было написано имя. Некоторые стёрлись от времени, другие выглядели свежими.

— Здесь люди отказывались от договоров, — объяснил Арден. — По старому закону отказ должен был быть записан. Клятва не могла преследовать того, кто ясно сказал «нет».

Я коснулась бассейна иглой. В воде, которой не было, отразилось лицо мужчины с седыми глазами. Не чудовище. Усталый человек, лет сорока на вид, с мокрыми волосами и шрамом на шее.

— Мартина дочь, — сказал он.

— Вы её знали?

— Она первая за сто лет спросила, чего я хотел, прежде чем просить помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.